

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАЛОГА КАК МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

В соответствии с Конституцией Республики Беларусь человек, его права, свободы являются высшей ценностью государства, а ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. Частным случаем ограничения прав и свобод личности в законодательстве Республики Беларусь являются меры пресечения, предусмотренные уголовно-процессуальным законом. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь предусматривает достаточно широкий перечень мер пресечения, призванных обеспечить дифференцированный подход к ограничению прав и свобод подозреваемого или обвиняемого с учетом характера подозрения или обвинения, личности подозреваемого или обвиняемого, их возраста и состояния здоровья, рода занятий, семейного и имущественного положения, наличия постоянного места жительства и других обстоятельств.

Статистические данные показывают, что в 2009 г. меры пресечения применялись в Республике Беларусь следующим образом: подписка о невыезде и надлежащем поведении – 34 961 (64,11 %); личное поручительство – 374 (0,69 %); передача военнослужащего под наблюдение командования воинской части – 81 (0,15 %); отдача несовершеннолетнего под присмотр – 863 (1,58 %); залог – 47 (0,09 %); домашний арест – 404 (0,74 %); заключение под стражу – 17 797 (32,63 %). Исходя из этого можно резюмировать, что предпочтение правоприменителя в выборе меры пресечения необоснованно ограничено применением таких традиционных мер пресечения, как подписка о невыезде и надлежащем поведении и заключение под стражу. Сложившаяся ситуация является следствием недостаточной изученности проблемы эффективности применения мер пресечения, не связанных с лишением свободы, в частности вопроса выработки внутренней мотивации правомерного поведения подозреваемого или обвиняемого. Данное обстоятельство становится препятствием на пути правоприменителя в использовании широкого спектра мер пресечения, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь.

Одной из мер пресечения, способной обеспечить стимулирующее воздействие на законопослушное поведение подозреваемого или обвиняемого путем формирования особой мотивации, является залог. Данная мера пресечения использует мощные экономические и моральные стимулы и ее преимущества заключаются в следующем.

1. Залог в значительной мере способствует гуманизации уголовного процесса, что соответствует принципам международного права и является неотъемлемой частью демократического государства, каким является Республика Беларусь.

2. Залог позволяет снизить количество лиц, содержащихся в следственных изоляторах, а следовательно материальные затраты государства на содержание заключенных, тем самым освободив средства для создания достойных условий их проживания. Это является необходимым условием, так как в СИЗО в основном содержатся лица, подозреваемые или обвиняемые в совершении преступлений, вина которых не установлена вступившим в законную силу приговором суда.

3. При применении залога лицо не вырывается из привычной среды жизнедеятельности, остается полезным обществу и семье, а именно может беспрепятственно осуществлять трудовую деятельность, содержать семью, заниматься воспитанием своих детей. Также важным является психологический фактор, заключающийся в том, что подозреваемый или обвиняемый не попадает в криминальную среду, характерную для мест лишения свободы, и не воспринимает сложившиеся в ней устои.

Редкое применение залога в практике органов, ведущих уголовное делопроизводство, свидетельствует в первую очередь о наличии целого ряда нерешенных проблемных вопросов, таких, как несовершенство правового регулирования условий для его применения, ограничение предмета залога только денежными средствами, а также оснований изменения и отмены залога, отсутствие пояснений к соответствующим процессуальным нормам, несоответствие правового закрепления обеспечительной цели применения залога общим целям мер пресечения.

Залог является относительно молодой мерой пресечения: в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь она появилась в 1999 г. В связи с этим институту залога в Республике Беларусь не уделялось должного внимания. Только некоторые аспекты его применения отражены в научных статьях Л.Л. Зайцевой, В. Лагойского, А.Н. Манулика, П.В. Мытника, М.П. Шруба и др. В Республике Беларусь нет ни одной монографии, ни диссертационного исследования, посвященных этой достаточно перспективной тематике.

В настоящих социально-экономических условиях деятельность уголовно-правовой политики государства направлена на сокращение количества лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, поэтому в уголовно-процессуальном производстве следует исходить из применения мер пресечения альтернативных заключению под стражу, одной из которых и является залог.

Таким образом, залог является перспективной мерой пресечения в качестве альтернативы заключению под стражу, однако в силу объективных и субъективных причин широко не применяется в практической деятельности. В связи с этим назрела насущная необходимость формирования новых подходов к решению проблем применения, изменения и отмены залога, уточнению правового закрепления целей залога, предмету залога.

ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОМ НАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В гл. 26 УПК Республики Беларусь регламентирован порядок осуществления экспертных исследований при производстве по материалам и уголовным делам, закреплен ряд особых случаев, при наступлении которых назначение и проведение экспертизы признается обязательным.

В соответствии с п. 3 ст. 228 УПК одним из таких случаев является необходимость установления в ходе расследования психического или физического состояния подозреваемого, обвиняемого, «когда возникает сомнение по поводу их вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном процессе».

Требование законодателя об обязательном установлении психического состояния подозреваемого, обвиняемого, бесспорно, справедливо. Выяснение этих данных позволит должностному лицу, осуществляющему предварительное расследо-

вание, принять решение о возможности личного участия субъекта в уголовно-процессуальных процедурах, а также сформулировать предварительный вывод о вменяемости (либо невменяемости) лица в момент совершения инкриминируемого ему деяния.

Наряду с этим категория «сомнение», использованная в п. 3 ст. 228 УПК, представляется не совсем удачной. Как и многие иные оценочные категории, имеющиеся в УПК, этот термин законодательно не разъяснен, однако очевидно, что в содержательном аспекте он отражает исключительно субъективное отношение лица к какому-либо явлению окружающей действительности. Это подтверждается и словарным толкованием. Так, В.И. Даль определял «сомнение» как «нерешимость, шаткое недоумение, раздумье, колебание мыслей»; С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова разъяснили анализируемую категорию как «неуверенность в истинности чего-нибудь», Д.Н. Ушаков понимал под ней «затруднительность, недоумение при необходимости разрешить какой-нибудь вопрос». Таким образом, содержание п. 3 ст. 228 УПК позволяет сделать вывод о том, что назначение и проведение экспертизы обязательно лишь тогда, когда у лица, осуществляющего производство по уголовному делу, возникают неуверенность, затруднение при решении вопроса о способности субъекта самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном процессе либо о его вменяемости во время совершения противоправного деяния.

Между тем в некоторых случаях полученные в ходе расследования данные (о характере и степени психического заболевания подследственного, об инвалидности лица либо об установленной гражданско-правовой недееспособности субъекта в связи с имеющимся у него психическим заболеванием, о применении к лицу принудительных мер безопасности и лечения в прошлом, а также характерные внешние признаки серьезных врожденных психических патологий, и др.), не порождая сомнений у лица, ведущего производство по делу, сразу же убеждают его в том, что подозреваемый, обвиняемый будет впоследствии признан невменяемым в отношении совершенного противоправного деяния, и в том, что он не способен самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном процессе. Таким образом, у следователя, дознавателя не возникает «сомнения», указанного в п. 3 ст. 228 УПК в качестве условия для обязательного назначения и проведения экспертизы.

Характерным примером служит уголовное дело, возбужденное во Фрунзенском РУВД г. Минска (в 2006 г.) в отношении гражданина В. по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 339 УК. В ходе осуществления предварительного расследования по делу, проведя допрос брата подозреваемого, следователь выяснил, что гражданин В. признан в установленном законом порядке недееспособным в связи с психическим заболеванием, а брат является его опекуном.

Схожая ситуация имела место при расследовании уголовного дела, возбужденного в Советском РУВД г. Минска (в 2007 г.) в отношении гражданина П. по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 339 УК. Отец подозреваемого П. в ходе расследования уголовного дела сообщил сведения о том, что его сын с детства является инвалидом II группы в связи с врожденной психической патологией.

Согласно действующей редакции п. 3 ст. 228 назначение в указанных случаях судебно-психиатрической экспертизы не обязательно. Однако такое положение представляется недопустимым, поскольку следователь, дознаватель не являются специалистами в области психиатрии и, несмотря на полученные данные, явно свидетельствующие о наличии тяжелой психической патологии, не могут самостоятельно сделать компетентный вывод о наличии психического заболевания, равно как и оценить его характер. Для этого необходимо проведение экспертного исследования. Указанный тезис нашел отражение и в международной юридической практике. Так, согласно п. 3 ст. 146 Модельного УПК для государств – участников СНГ («Обстоятельства, устанавливаемые при наличии определенных доказательств») «неспособность обвиняемого в момент происшествия осознавать характер и значение своих действий (бездействия), их вредность либо руководить ими вследствие психического заболевания, временного болезненного психического расстройства, иного болезненного состояния либо слабумия» может быть установлена только при получении «заключения экспертов в области психиатрии».

В силу изложенного представляется очевидным, что свой вывод о психическом состоянии подозреваемого, обвиняемого, лицо, производящее предварительное расследование, должно делать с учетом экспертного заключения. Указанное подтверждается и практикой расследования данной категории уголовных дел, согласно которой и в приведенных примерах, и в иных схожих случаях, несмотря на полученные сведения о заболевании лица, следователями, дознавателями, принимались решения о назначении экспертных исследований.

Таким образом, полагаем, что «сомнение» лица, в производстве которого находится уголовное дело, не может являться определяющим фактором при решении вопроса об обязательном назначении судебно-психиатрической экспертизы.

Представляется, что назначение и проведение экспертизы для установления психического состояния подозреваемого, обвиняемого должны признаваться обязательными в случаях, когда имеются достаточные основания полагать, что подозреваемый, обвиняемый страдал ранее или страдает во время производства по уголовному делу психическим расстройством (заболеванием).

Использование предложенной формулировки позволит сохранить предусмотренную действующей редакцией закона возможность следователя, дознавателя по внутреннему убеждению оценивать полученные в ходе расследования данные о психическом заболевании подозреваемого, обвиняемого и вместе с тем предопределять обязательность назначения экспертизы как при возникновении сомнения в психической полноценности подследственного, так и в случаях, когда явные признаки психической патологии однозначно свидетельствуют о ее наличии.